

Творческое наследие
Густава Густавовича Шпета
в контексте философских проблем
формирования
историко-культурного сознания
(междисциплинарный аспект)

Г.Г. Шпет / *Comprehensio*
Четвёртые Шпетовские чтения



ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТОМСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

2003

Д.В. Солдатова (Томск)

Действительность в трудах Шпета:
от феноменологического
к герменевтическому рассмотрению

Предметом своих размышлений Шпет делает *действительность* ещё в 1914 г. в работе «Явление и смысл». В главе «Явление и действительность» Шпет пишет: «В подлинной действительности разум находит самого себя и утверждает в себе истину» [3. 134]. Другими словами, субъект конституирует действительность через самого себя (или из самого себя). И далее, если этот субъект оказывается феноменологом, он должен осуществить сложную в своей простоте операцию: проникнуть в подлинное этой действительности. Путь феноменолога к подлинной действительности лежит через «редукцию “действительного” как опытной данности» [3. 134]. Осуществляя последнее, феноменолог проясняет, тематизирует то, что предстает как регион, то есть содержательное наполнение сознания.

Ход моей работы вполне укладывается в рамки феноменологического исследования, так как я, опираясь на работы Шпета, пытаюсь ухватить *действительность* в её сущности и в результате выхожу на понятие *действительность* в его конкретном, материальном, историческом наполнении: 1) фактами, вещами, событиями и т.д.; 2) выражением и интерпретацией этих фактов, событий и т.д.

В результате удалось выделить три вида действительности: 1) *освидетельствованную*; 2) *историческую*; 3) и, воспользовавшись принципом редукции и обращаясь к сущности, к идее нашего предмета, – выявить *действительность саму по себе*.

В свете проблемы действительности обратимся к исследованию Шпета «История как проблема логики». В этой работе Шпет затрагивает прежде всего тему различения, разведения (по целям, задачам и предметам) отрицательной и положительной философии. Было бы полезным на этом фоне охарактеризовать и понимание *действительности*.

Согласно Шпету, отрицательная философия имеет своим идеалом «математическое естествознание», а «на место действительности как предмета философии подставляется его научное познание» [1. 46]. Таким образом, отрицательная философия смещает акцент с предмета на процесс познания и субъект познания, становясь привативной.

Напротив, философия положительная всецело сосредоточивается на предмете, на *действительности*, стремясь за внешним, материальным наполнением ухватить её сущность. Этот положительный подход можно назвать объективным (объектным): здесь не происходит навязывания своего внутреннего внешнему объекту, а наоборот, внешнее, то есть объект, становится «своим», внутренним, объектом мысли через нашу к нему направленность, обращённость.

Так, *действительность* в качестве предмета не ускользает (как в отрицательной философии), но оказывается единственным достойным объектом познания, то есть становится познаваемым. Обретая осмысленность, то есть наполняясь смыслом, *действительность* становится самоценной, становится объектом культуры. Получается, что именно развитие положительной философии (её подход к объекту, к *действительности*) позволяет образовываться ценностям, культуре в целом.

Итак, первой проблемой философии (особенно положительной), по Шпету, является проблема *действительности*, разрешение которой и выдвигает с необходимостью «значение исторической проблемы, так как “история” ведь и есть в конце концов та действительность, которая нас окружает, и из анализа которой должна исходить философия. Только в истории эта действительность выступает в своей безусловной и единственной полноте, – по сравнению с историей всякая другая действительность должна представляться как “часть” или “абстракция”» [1. 61]. Другими слова-

ми, действительность – это историческое целое, из которого каждый исследователь стремится выделить интересующую его часть, делая именно её своим предметом. Подобной спецификацией не следует пренебрегать, ибо именно она и позволяет увидеть и осознать многообразие и разноплановость составляющих исторического целого. Продолжая проблематизировать «действительность», Шпет разводит два, казалось бы, схожих понятия: «историческое» – как историческое целое и «историческое» – как предмет истории, то есть часть, результат проведения спецификации общего исторического целого, в ряду с социальным, эстетическим и т.д. [1. 61–62].

Получается, что, разрешая проблему исторического целого, мы, тем самым, разрешаем и проблему положительной философии: проблему перехода от идеального к действительному. «Исторический процесс как историческое целое – есть “единственная область полной и не сокращённой действительности”, где только и может раскрыться и обнаружиться абсолютное, конкретное абсолютное, которое и является предметом философии”» [1. 64].

Допустим, что феноменолог делает своим предметом не историческое целое, не действительность в её сущности, а наоборот, ее части, то есть результаты спецификаций. Какие в таком случае методологические изменения можно будет наблюдать в исследовании?

Итак, я допускаю условное подразделение действительности на: 1) действительность освидетельствованную (её субъектом-делателем является очевидец, а методом – описание); 2) действительность историческую (её субъектом-делателем является историк, а методом – интерпретация); и, наконец, 3) действительность саму по себе или историческое целое (её субъектом-делателем является феноменолог, а методом – усмотрение, уразумение).

По сути, это разделение действительности на три можно соотнести с Бернгеймовским разделением последовательных моментов в развитии исторической науки [1. 68]. Их тоже три: 1) история повествовательная (накопление); 2) история поучающая (выводы); 3) история развивающая или генетическая (историческое целое, история в своем развитии – как единственный предмет философии).

Остановимся подробнее на втором пункте моего анализа действительности: исторической действительности. Прежде всего, и она делится на: а) эмпирию (факты прошлого: памятники, доку-

менты и проч.); б) идеальность (историческая теория, наука: форма выражения эмпирии, то есть логика и интерпретация).

Историческая действительность как эмпирия есть мертвая ткань, не что-то становящееся, но уже ставшее, выраженное, зафиксированное. История эмпирическая – есть нечто, что уже явилось однажды результатом конституирования чьего-то сознания. В этом случае можно говорить о конституировании первого этапа.

Второй этап конституирования исторической действительности осуществляется на идеальной ступени, то есть когда формируется сама историческая наука. Очевидно, что историческая действительность как идеальность (наука) будет в некотором роде результатом поэтапного конституирования, но не отдельно взятого сознания в его развитии, а сознаний. Для создания идеальной исторической действительности (истории как науки) одним сознанием очевидца или историка не обойтись. Вырисовывается интерсубъективная проблематика, ибо приходится выстраивать отношения минимум между тремя (очевидец – историк' – историк"), а то и четырьмя (очевидец – историк' – историк" – философ) субъектами, если помнить о необходимости научного знания «сознательно обращаться к своим началам и к логическим и философски оправданным средствам своего выражения» [1. 67].

Проводя дифференциацию относительно действительности, необходимо помнить, что по сути она одна (относительно какого-то одного свершившегося факта), разными оказываются сами субъекты конституирования, их методы. Достаточно вспомнить «шпетовскую секиру»: очевидец будет использовать её по назначению (либо рубить сам, либо претерпевать её действие со стороны другого); историка будут занимать вопросы о времени её изготовления, о том, в каком исторически важном сражении её могли использовать, в каких исторических источниках о ней уже упомянуто и проч.; философа (в частности, феноменолога) будет волновать «ради чего», «зачем» этой секиры. Другими словами, её сущность, секира сама по себе.

До этого момента мы говорили о феноменологических аспектах анализа действительности, исторического целого. Герменевтическая составляющая лишь предполагалась, но не проговаривалась. А между тем Шпет называл историю наукой герменевтичес-

кой [1. 63]. И «философия в её выражении... есть... «чертёж» соответствующих переживаний. Этот чертёж должен быть истолкован и понят как знак, изображающий самую действительность в её полноте или в какой-либо её части... Как символ, этот чертёж есть знак, за которым лежит сама конкретная действительность, к которой мы можем проникнуть только сквозь этот знак» [1. 50]. Итак, действительность понимается Шпетом как совокупность символов (переживаний, мыслей, слов, вещей...). И вопрос относительно этих символов должен формулироваться как вопрос о формах их выражения.

Так, с помощью интерпретации и уразумения, обращаясь к символам из прошлого, мы в силах восстановить и прежние формы выражения, логику мысли человека того времени. Поэтому грамотный историк должен работать не только в историческом контексте, но и в филологическом (учитывая естественные изменения в языке), и в психологическом, и в философском (фиксировать соответственные изменения в языке – изменения и в сознании).

Другими словами, истинный историк должен фиксировать изменения в цепочке «мысль – слово». Только в таком случае возможна адекватная картина прошлого, «той» жизни, «той» культуры. Ведь термин «слово» у Шпета «берётся как комплекс чувственных дат, не только воспринимаемых, но и претендующих на то, чтобы быть *понятыми*, то есть связанных со смыслом и значением. Слово есть чувственный комплекс, выполняющий в общении людей специфические функции... Слово есть *prima facie сообще-ние*. Слово, следовательно, средство общения; сообщение – условие общения. Слово есть не только явление природы, но также принцип культуры. Слово есть архетип культуры; культура – культ разумения, слова – воплощения разума» [4. 20].

Ясно, что слово для Шпета есть не только языковое слово, но и речь, весь язык в целом; более того, культура, даже вся вселенная могут быть рассмотрены как слово. В структуре слова особое место занимает проблема смысла. Смысл неуловим, ибо не отделим от своих составляющих: от форм слова. Он как бы сочится по ним. В то же время смысл – это то единственное, устойчивое и неизменное, что сопровождает слово. Именно через смысл слово

«врастает» во всю действительность в целом, «питается» и «оживляется» ею [5. 607–608].

Именно в действительности слово обнаруживает подтверждение своей небесмысленности, своего историко-культурного наполнения.

Шпет указывает и ещё на одну немаловажную функцию историка: наряду с интерпретацией и уразумением он должен выстраивать историческую науку как объяснительную. Объяснение предполагает выявление определенных правил, алгоритмов. Чтобы выстроить последнее и зафиксировать этапы, необходимо обратиться к началу. Так на помощь истории приходит логика. Шпет писал, что «во второй половине XIX века всё внимание логики устремилось на то, чтобы открыть специфический характер истории как науки. Границы логики, следовательно, всё более и более расширяются» [2. 15–16]. Но нужно отметить, что не только логика выигрывает от обращения к истории, но и сама история (если мы говорим об истории как о науке) расширяется, получая более прочные логические основания.

Именно на фоне обращения логики (как науки об изложении) к истории оправдывается для некоторых исследователей спорное сосуществование феноменологии и герменевтики. Это же доказывает ход мысли Шпета: от работы «Явление и смысл» к труду «История как проблема логики». Сама феноменологическая направленность на действительность (как на Абсолютный объект) обращает взор исследователя на различные её области: социальная онтология, историческая действительность и прочее. И как результат – выводит к проблемам герменевтического порядка: проблемы изложения, выражения, интерпретации и т.д.

Литература

1. Шпет Г.Г. История как проблема логики. Критические и методологические исследования: Материалы: В 2 ч. М.: Памятники исторической мысли, 2002. 1168 с.
2. Шпет Г.Г. Логика. Ч. I. Лекции, читанные в 1911–1912 гг. на Высших женских курсах. По запискам слушательниц. М. 118 с.
3. Шпет Г.Г. Явление и смысл. Томск: Водолей, 1996. 192 с.
4. Шпет Г.Г. Сочинения. М., 1989. 602 с.
5. Русская философия. Малый энциклопедический словарь. М.: Наука, 1995. 624 с.